

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
ПЗ0

Разработка серийного оформления
Евгения Антофия

Иллюстрация на обложке
Бориса Аджиева

Петровичева, Лариса Константиновна

ПЗ0 Хроники Аальхарна: Изгнанник. На границе чумы. Охота на льва : сборник / Лариса Петровичева. — Москва : Издательство АСТ, Издательский дом «Ленинград», 2024. — 672 с. — (Коллекция. Другие миры).

ISBN 978-5-17-161945-9

Дея — маленькая планета на окраине Вселенной. Здесь наука почти запрещена, инквизиция охотится на ведьм, а страны содрожаются от чумы и войн. Именно сюда ссылают юношу из дивного нового будущего Земли. Вооруженный знаниями бывшей родины, он пройдет путь от монастырского послушника до императора крупнейшей державы и изменит свой новый мир навсегда.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-161945-9

© Лариса Петровичева, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

Лариса Петровна

ХРОНИКИ ААЛЬХАРНА

ИЗГНАННИК
НА ГРАНИЦЕ ЧУМЫ
ОХОТА НА ЛЬВА

Москва

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗГНАННИК	5
НА ГРАНИЦЕ ЧУМЫ	271
ОХОТА НА ЛЬВА	445

ИЗГНАННИК

Глава 1 ЗАРЕВО

Аальхарн, 1220 год от прихода Заступника

Дождь зарядил два дня назад и казался бесконечным. Не верилось, что где-то за низкими, тяжелыми тучами, которые почти цеплялись за крыши домов толстыми клокастыми животами, существуют беспечная синева неба и яркое солнце. По Аальхарну шла осень — долгая, мокрая и унылая. В такую погоду хочется устроиться где-нибудь в тепле, у жаркого камина, и читать толстые мурдые книги, запивая старинную мудрость травяной настойкой.

Мысль о настойке несколько улучшила настроение отца Гнасия. Он поправил капюшон плаща, ежась от ручейков воды, что попали под одежду, и пошагал дальше к монастырю. Отец Гнасий ходил в деревню читать отходную по умирающему и теперь, возвращаясь домой, философски размышлял о том, что в такую погоду смерть похожа на мрачную картину, на которой вся природа уходит в сон и красные облетающие листья струятся по земле за похоронной процессией.

Вдали за деревней заворчал гром, и отец Гнасий прибавил шаг. По брюху тучи, которая нависла над монастырем, пробежала изломанная змейка молнии. Отец Гнасий зажмурился и помотал головой: ему показалось, что молния была насыщенно-сиреневого цвета. Дождь припустил еще сильнее, и в этот момент в небе грохнуло так, что отец Гнасий упал на колени и осенил лицо кругом.

По небу разливалось величавое сиреневое зарево. Ночь превратилась в день; теперь отец Гнасий видел каждый камушек на дороге и каждую травинку на обочине. Сиреневые волны света выплывали из туч, и казалось, что это небесное воинство торжественно расправляет крылья, готовясь к атаке.

— Заступник великий и всемогущий, — торопливо зашептал отец Гнасий, на шаривая на поясе четки. — Сохрани мою душу, укрепи мое сердце. Не дай погибнуть от зла.

Гладкие костяные шарики четок выскальзывали из трясущихся пальцев. Свет становился все ярче — горный, запредельный, он внушал благоговейный ужас. За тучами что-то загудело, словно огромный дракон проснулся и издал трубный рев, требуя еды,

а потом раздался хлопок, и все померкло. Удивительное сиреневое зарево погасло, воцарилась тишина, а дождь полил еще сильнее.

На дороге перед коленопреклоненным отцом Гнасием кто-то был. Несколько мгновений назад дорога была пуста, и отец Гнасий протер глаза, полагая, что ему просто мерещится. Однако тощая фигурка в странном оранжевом одеянии никуда не пропала. Она шевельнулась, и отец Гнасий увидел, что на земле перед ним сидит мальчик. Самый обыкновенный ребенок лет десяти, его сверстники постигали грамоту в монастырской школе.

Это и было самым необычным. После сиреневого сияния отец Гнасий готов был увидеть Заступника во плоти, колесницу святой Агнес, запряженную драконами, или архидуха Мехалья с копьем и мечом, но никак не дитя. Впрочем, наверняка дело было в том, что Заступник услышал его молитву и в мудрости своей показал именно то, что слабая и грешная душа отца Гнасия способна была вынести, не рухнув в безумие.

Мальчик поднял голову и посмотрел на отца Гнасия. Да, это был самый обычный ребенок, худой светловолосый парнишка, вот только глаза у него были как раз того сиреневого цвета, который несколько минут назад разливался по небу, и отец Гнасий окончательно убедился в том, что стал свидетелем чуда.

— Кх'те йа? — промолвил мальчик.

Слова были незнакомы отцу Гнасию, который знал несколько языков, живых и мертвых. Они напоминали речь дальневосточных варваров, но все же не были ею.

— Не бойся, — мягко сказал отец Гнасий. Сейчас важна была интонация, а не смысл слов. — Не бойся, малыш, все хорошо.

Мальчик всхлипнул и огляделся. Его оранжевая одежда оставалась совершенно сухой, словно дождь не мог ее намочить. Очередное чудо, а сколько еще будет таких чудес?

Отец Гнасий заметил поодаль такой же сухой оранжевый мешок и указал на него.

— Это твое?

Мальчик поднялся на ноги и взял мешок за ляжку. Отец Гнасий видел, что по щекам небесного гостя текут слезы, и понял, что надо сделать. Он встал с колен и, подойдя к мальчику, протянул ему руку.

— Пойдем, малыш, а то совсем тут промокнем.

Ребенок вздохнул и взял отца Гнасия за руку. Вопреки ожиданиям, ничего чудесного не последовало. Отца Гнасия не ударило молнией, и удивительные видения не посетили его.

Так они и пошли в монастырь.

У ворот их встречала перепуганная братия, которая на все лады толковала случившееся. Небесное знамение вселило в обитателей монастыря ужас и мысли о наступлении последних дней.

Кто-то заливал свой страх наливкой, а кто-то уже сидел в библиотеке и записывал рассказ о случившемся.

— Вот подтверждение чудес Заступниковых в мире, полном ереси и зла! — приветствовал отца Гнасия ключарь Вит. — Кто бы мог подумать, что Заступник в милости своей пошлет нам знак надежды и победы!

Глаза Вита горели от восторга: похоже, он единственный не испытал страха, наблюдая за знаменем.

— Открой кухню, — распорядился отец Гнасий. Все случившееся еще будет осмыслено и записано, а пока надо было подумать о насущных проблемах. Хотя бы о том, что ребенка надо накормить. — Заступник послал нам гостя, и гость проголодался.

Гость действительно был голоден. Когда перед мальчиком поставили миску с кашей, то он так накинулся на еду, словно не ел несколько дней. Столпившиеся в трапезной монахи не сводили с него глаз, будто никогда не видели, как люди едят. Впрочем, в небесном госте все вызывало интерес: и оранжевая одежда непонятого покроя, и таинственный мешок, набитый, должно быть, невиданными и непостижимыми диковинами, и странная отрывистая речь, и сиреневые глаза. Глаза особенно удивляли, и когда мальчик бросал на собравшихся испуганные взгляды исподлобья, то обитатели монастыря принимались смотреть в сторону.

— Отец Гнасий, — тихонько спросил один из послушников. — А разве духи небесные едят?

— Дурак, — сказал отец Гнасий, отрезая мальчику еще один ломоть хлеба, в который тот незамедлительно вцепился. «Превосходный аппетит, — подумал отец Гнасий, — он так все кладовые опустошит». — Забыл, что ли, Писание? И едят, и пьют, и все прочее делают, что надо, если на то будет воля Заступника.

Незадачливый послушник предпочел спрятаться за спины товарищей и наблюдать за небесным гостем в благоразумном отдалении.

Мальчик тем временем доел кашу, расправился с добавкой и что-то проговорил на своем языке. Отец Гнасий понял, что его благодарят за еду, и ласково ответил:

— На здоровье.

Впрочем, еда земная небесному духу не пошла впрок. Мальчик одной рукой зажал рот, сражаясь с тошнотой, а второй принялся шарить в своем мешке, откуда вскоре была извлечена тонкая серебряная пластина. По поверхности чудесного предмета пробежали зеленые и алые огоньки. Мальчик прижал пластину к груди и спустя несколько мгновений вздохнул с облегчением.

Отец Гнасий подумал, что пластина является ларцом с чудесными лекарствами. Но разве на небесах знают телесные страдания и хвори?

Однако с болезнью своего хозяина пластина не справилась. Мальчик негромко вздохнул и сполз под стол.

Ленинград, 2514 год

— Ничего личного, Саша, — обворожительно улыбнулась ему мачеха и провела ладонями по округлившемуся животу, — но я хочу освободить место для них.

Солнечные лучи, падая сквозь листву яблонь маленького сада, разбитого отцом на крыше дома, искрились в ее рыжих волосах, уложенных в модную прическу. Саша смотрел на нее и не понимал, почему фигура молодой женщины размазывается и растекается перед глазами. Потом понял: это просто слезы. Он плачет и кусает губы, стоя на самом краю старинного табурета. Тонкую шею Саши охватывала петля, и веревка утекала куда-то вверх, в яблоневый цвет.

— Он не поверит, — проговорил Саша, стараясь, чтобы голос звучал ровно. Не хватало еще, чтобы эта дрянь увидела, что ему в самом деле больно и страшно. Табурет крутился, раскачивался и выскальзывал из-под ног, и мир Саши, ставший в одно мгновение невообразимо зыбким, словно скользил по волнам то вверх, то вниз. — Он ни за что тебе не поверит!

Мачеха обошла вокруг табуретки, пристально рассматривая пасынка. Уже целых три дня, стоило Максиму Торнвальду, Шашиному отцу, отправиться на работу в университет, она неувовимо легким и опасным движением отправляла в шею Саши микроиглу с ядом. На несколько минут он, наполовину парализованный, терял возможность шевелиться и сопротивляться, а мачеха накидывала ему на шею петлю и пристраивала его на табурете так, что Саша едва мог устоять на неверном сиденье, которое так и норовило выскользнуть из-под ног.

Вчера вечером Саша прочел в Федеральной сети, что яд викоина полностью распадается в организме и никак не выявляется при анализе. Доказательств не было и не будет.

— Отчего же? Поверит, — усмехнулась мачеха. — Типичное подростковое самоубийство. Ты обожал мать и так и не сумел смириться с ее смертью и скорой женитьбой отца. Максим это переживет, уверяю тебя. Скоро у него будут новые сыновья, и он их уже любит.

— Сука, — всхлипнул Саша. — Тварь проклятая.

Мачеха задумчиво смотрела на него, медленно наматывая на палец тугой рыжий локон. Солнечные лучи путались и искрились в волосах, и это было красиво. Смертельно красиво.

— Не ругайся, — промолвила она. — Это очень невежливо. Хотя мертвецу должно быть все равно.

— Как есть лихорадка, — заявил Авиль. В монастыре он по праву считался первым знатоком всех болезней и способов их лечения. — Уж чего-чего, а лихорадку я на своем веку повидал, знаю, что это такое. Настойка змееполоха — первое средство. А над кроватью надо повесить лягушачью пясть.

Отец Гнасий сильно сомневался в том, что лягушачья пясть помогает при лихорадке, но решил не спорить со специалистом.

— Известно, что лягушачий пот обладает особым запахом, вдыхание которого способно облегчить страдания больного лихорадкой, — снизошел до объяснения Авиль, видя, что его собеседник колеблется. — Напрасно вы относитесь к лягушкам с предубеждением, отец Гнасий. Это замечательное создание сотворено Заступником на благо людям, и не вина лягушки в том, что ее используют ведьмы для своих снадобий.

— Да ничего я не имею против лягушек, — отмахнулся отец Гнасий. Если Авиль принимался рассуждать на лекарские темы, то его было не остановить. — Небесное создание мучится и страдает, и я повешу тут всех лягушек, какие есть, лишь бы только он выздоровел.

Мальчик отравился монастырской едой, и серебристая пластина принесла ему лишь временное облегчение. Из трапезной потерявшего сознание ребенка перенесли в келью, где, терзаемый жаром, он до сих пор лежал, не приходя в себя. Пластина, которую отец Гнасий сейчас держал в руках, ничем не помогала. Видимо, ей умел пользоваться только владелец.

— Вещицу эту, кстати, надо изучить, — пронзил воздух в направлении пластины палец Авилья. — Следует разобраться в ее сути и понять, кто создал ее: Заступник или Змеедушец.

От подобного предположения отец Гнасий чуть дар речи не потерял.

— В лекарском деле вы, дорогой Авиль, конечно, великий мастер, а вот во всем остальном ваши познания оставляют желать лучшего, — сказал он, едва удерживаясь от того, чтобы дать волю рукам и треснуть Авилья по голове. — Сами-то подумайте: как может посланник Змеедушца появиться с неба?

— И Змеедушец цитирует Священное Писание, если ему это выгодно, — парировал Авиль. — И это вам следует подумать, почему якобы небесный посланник пал жертвой болезни, едва ступив под эти священные своды. Не следует ли инквизиции разобраться в этом?

— Я уже отправил письма о Сиреневом знамени государю, патриарху и в священный трибунал, — с достоинством произнес отец Гнасий. Никому не следует думать, что он что-то скрывает или чего-то боится. — И если инквизиция сочтет нужным расследовать

этот случай, то обязательно приедет сюда. Заодно и вы с ними побеседуете о полезных свойствах ваших любимых лягушек.

Аவில் нахмурился. Поправил лягушачью лапку, которую повесил в изголовье койки, когда отец Гнасий критически оценивал его познания.

— Пусть приезжают, пусть беседуют, я найду, что им ответить. Я читал не только жития святых, но и труды великих ученых и философов, сведущих в естествознании. А вот что скажете вы, когда вас спросят о загадочных вещах, упавших с неба?

Отец Гнасий взвесил на ладони серебристую пластину и отразил выпад Авила:

— Я скажу, что сиреневый цвет изначально принадлежит силам Небесным и Змеедушец не может его присвоить. А еще я скажу, что на сем исцеляющем предмете изображен алый крест святой Агнес. Слуги тьмы боятся его и бегут от него.

Аவில் собрался было дать очень язвительный и хлесткий ответ (он все еще желал поквитаться с отцом Гнасием за недоверие к целительным свойствам лягушек), но в этот момент в келье прозвучал новый голос:

— Лягушки.

Слуги Заступниковы сразу прекратили богословский спор и с одинаковым изумлением уставились на мальчика, который пришел к себе и так же удивленно смотрел на них.

Свет с трудом проникал в маленькое пыльное окошко чулана. Саша лежал на полу и смотрел, как серые лучи выхватывают из мрака то высокие отцовские сапоги для рыбной ловли, то ящики с древними, еще бумажными книгами деда и прадеда (разбухшие тома уже давно пришли в негодность, а выбросить рука не поднималась), то мешок со старыми игрушками, который убрала сюда еще мама, когда сын пошел в школу. Саша лежал на полу, вслушиваясь в нестерпимую боль во всем теле, и пытался понять, что же ему делать дальше.

Табуретка все-таки вырвалась из-под ног, и он повис в петле, захрипев и забывшись от боли и ужаса, цепляясь за шею, давясь слезами и хриплым криком и судорожно пытаясь найти опору, но не находя ее. Мелькнула мысль о том, что рыжая дрянь все-таки победила, но тут веревка, много-много лет пролежавшая в чулане и успевшая подгнить, подвела мачеху и оборвалась. Саша рухнул на землю и, жадно глотая воздух, понял, что еще повоюет.

— Ах ты ублюдок!

Сияющая сковородка мачехи — она предпочитала готовить еду самостоятельно, без использования кухонных роботов и на-

нофабрикатов — ударила Сашу по лицу. Нос противно хрустнул, а мачеха ударила еще и еще. Скрывать свое разочарование она не собиралась.

— Паскуда малолетняя! Ну ты получишь у меня!

Куда подевалась рафинированная красавица, в обществе которой Максим Торнвальд блистал в высшем свете столицы! Сейчас это была растрепанная злобная бабища, у которой вместе со злополучной веревкой рухнули все планы.

— Помогите! — крикнул было Саша, но вместо крика у него вышел булькающий хрип.

Новый удар — Саше показалось, что голова сейчас расколется. Кровь из рассеченной брови заливала глаза.

— Кричи-кричи, — прошипела мачеха. — Громче кричи, хрен тебя кто услышит.

«Ну конечно, — подумал Саша, — она включила шумоизоляцию всего дома. Хоть обкричись, никто не придет...»

Мачеха нанесла еще один удар, и Саша рухнул в спасительную темноту.

Итак, он заперт в чулане, а на теле живого места нет, словно он превратился в сгусток пульсирующей боли. Саша дотронулся до носа, и боль вспыхнула яркой белой звездой с острыми лучами. Отец придет с работы и ответит Сашу в клинику, а когда они вернуться домой, то этой дряни тут уже не будет: уволокут ее в участок, в камеру, будет знать свое место...

Саша глухо застонал и едва не рассмеялся от внезапного понимания, что никогда ничего такого не случится. Мачеха для этого слишком умна. Она наверняка давным-давно приготовила для отца совершенно правдоподобную историю, в которой кругом виноват один только Саша, а она, как обычно, была к нему очень добра, стараясь подружиться с сиротой и заменить ему мать. И отец, который в последнее время и так не слишком ласков со старшим сыном, будет полностью на ее стороне.

Кадетский корпус Первой гвардии, о котором Максим Торнвальд обмолвился пару дней назад и о жестоких порядках которого ходили самые невероятные слухи, станет для Саши новым домом, а в его прежней комнате поселят новорожденных близнецов. Все.

Серые лучи скользили по завалу вещей в чулане. Вот удочка, которую Саше подарил дедушка, вот дряхлый плюшевый медведь с одним глазом, с которым еще отец играл, вот складной мангал для поездок на природу, а вот рукоять старинного топора, которым прадед, предпочитавший столице пасторальную сельскую жизнь, рубил дрова для камина.

Мачеха не знала, что в чулане есть топор. А Саша знал.

Потом он почувствовал озноб и, выронив из ослабевшей руки окровавленный топор, соскользнул на ковер и съежился, пытаясь удержать тепло. Накатившая волна одиночества и пустоты была тяжелой и душной, словно ватное одеяло.

Саша провел ладонью по щеке, смахивая слезы, и произнес:

— Телефон. Связь с полицией.

Раздался мелодичный звон соединения, и в комнате прозвучал уверенный мужской голос:

— Лейтенант Петренко, дежурная часть, слушаю вас.

— Меня зовут Саша Торнвальд, — промолвил Саша и не услышал себя. — Васильевский остров, Шестая линия, дом восемь. Приезжайте, пожалуйста, поскорее.

— Что случилось, сынок? — встревоженно спросил лейтенант.

Саша шмыгнул носом и ответил:

— Приезжайте скорее. Я убил свою мачеху.

Приехавшая полиция первым делом сняла с него побои и оценила полосу от веревки на шее. Саша безучастно рассказал им обо всем, что случилось днем и случалось раньше, и с тем же равнодушием подписал свои показания: скрывать ему было нечего. Тело мачехи забрали в морг, а Сашу повезли в полицейское отделение.

Один из полицейских, смотревший на замордованного подростка с искренним сочувствием, сказал, что при таких раскладах статью дадут легкую, и после всего, что ему пришлось пережить, Саша отделается подростковой психиатрической клиникой или детской колонией, да и то наверняка условно. Три года максимум.

Саша слушал полицейского и думал, знает ли уже отец обо всем, что случилось.

Отец знал. Как раз в то время, когда врач судебного отделения вправлял Саше сломанный нос и накладывал шов на разбитую левую бровь, Максим Торнвальд, бледный и решительный, подписывал положенное законом отречение от старшего сына. Отказывался от убийцы — как добропорядочный гражданин и безмерно страдающий вдовец.

А судья уже готовил документы по ссылке Саши на одну из дальних планет. Ссылка была окончательной и обжалованию не подлежала.

Первым делом надо было выучить здешний язык.

Придя в себя, Саша некоторое время лежал с закрытыми глазами и слушал, как над ним в две глотки бранятся монахи. В том, что его привели именно в монастырь, он не сомневался: слишком много было ритуальных движений, да и одежда на обитателях этого

места очень напоминала ту, которую он видел на картинках в учебнике древней истории.

«Я жив», — думал Саша, слушая чужую речь и пытаясь вычленивать из нее повторяющиеся элементы. Сплошные гласные, и точки опоры нет, не от чего оттолкнуться, чтобы составить первую фразу. «Я жив, мне повезло, мне ужасно повезло».

Ему захотелось заплакать. Мужчины не плачут, и герои его книг никогда не плакали, но он-то не был героем и поэтому мог позволить себе удариться в бабский рев и истерику. Потому что его выбросили на другой конец Вселенной и дом остался так далеко, что и представить сложно. Потому что он никогда больше не увидит отца. Потому что он, в конце концов, еще ребенок, он один и понятия не имеет, что делать дальше.

Сознание вычленило наиболее часто повторяющееся слово, и Саша произнес:

— Квеетарис.

Теперь бы еще узнать, что оно означает.

Саша открыл глаза. Монахи воззрились на него так, словно он выдал им все тайны земли и неба. Один, тощий брюнет, начинавший сидеть, разразился целой тирадой с восторженными интонациями, в которой помянутое «квеетарис» повторялось добрый десяток раз. Второй, румяный добродушный толстячок, в котором Саша узнал того самого человека, который привел его в монастырь, смотрел на Сашу с самым потрясенным видом.

Вспомнив, что прочие обращались к нему с чем-то вроде «Хнаасси», Саша повторил два выученных слова:

— Хнаасси. Квеетарис.

Хнаасси остолбенел. Вот просто взял и застыл, не сводя с Саши взгляда, в котором искреннее изумление смешалось с такой же искренней благодарностью.

Саша подумал и повторил тот жест, который вчера использовали монахи: обвел лицо кругом. Брюнет сконфуженно опустил голову и что-то проворчал под нос, словно просил прощения. Хнаасси лучезарно улыбнулся и, присев на койку рядом с Сашей, указал на него так, словно спрашивал: кто ты? как тебя зовут? Похожую сцену Саша видел в каком-то древнем земном кино.

Он вдруг понял, что никогда не увидит ни одного фильма, не раскроет своих любимых книг, не выйдет во двор, в котором прошло его детство. Мир с фильмами, играми, школой остался в прошлом. Недостижимо далеко, нереально. Без всякой надежды на возвращение домой, к привычным вещам и знакомым людям. Неужели каких-то пять дней назад Саша сидел на кухне за столом, и за окном были привычные здания Васильевского острова, а отец обещал взять его порыбачить на выходных?

Саша понял, что вот-вот расплачется.

— Саня, — произнес он и шмыгнул носом. Надо взять себя в руки. Надо. По крайней мере, он жив. — Саня.

Так его называла мама несколько месяцев назад. Саша все-таки не сдержался, и первая слеза покатилась по щеке.

— Шани, — ласково повторил Хнаасси, неправильно расслышав имя: после перелома носа в голосе Саши еще сохранялась гнусавость. Ладно, пусть будет так. Старые имена и вещи уже не имеют значения.

— Да, — кивнул Саша, — я Шани. — И похлопал себя по груди для убедительности.

В монастырской библиотеке было великое множество книг, их украшали удивительные по тонкости работы иллюстрации, и отец Гнасий решил обучать небесного посланника аальхарнской речи именно по книгам с картинками.

Шани — а теперь Саша называл себя только так — не возражал. Дома, на Земле, бумажные книги давно стали раритетом, уступив место электронным планшетам с текстами, и Шани с удовольствием погрузился в закрома библиотеки. Обучение языку нового дома сразу же пошло намного быстрее. Если в первый вечер Шани смог назвать свое имя, а потом сказал, что чувствует себя хорошо, попросил еды, и на этом стороны пришли в состояние лингвистического ступора, то спустя три недели он довольно бегло и почти без акцента мог поддерживать разговор практически на любые темы.

Книги казались ему чудом. Если в этом сонном дождливом мире могло быть что-то хорошее, то это были именно книги. Шани переворачивал тонкие желтые страницы, и перед ним проплывали драконы, воины, духи небесные и подземные, города и страны, удивительные предметы и явления природы. Он смотрел, как на рисунках извиваются невиданные звери, идут в атаку воины, срывается с неба Змеедушец, а Заступника казнят люди, которых он пришел спасти, и в голове проплывали слова и предложения, а чужой язык с радостью раскрывал свои тайны.

По вечерам Шани плакал в подушку, свернувшись калачиком на койке в своей келье. Грусть по дому окутывала его словно саван. Дом, отец, друзья — все это осталось на другом краю Вселенной, а он, Шани, был здесь один-одинешенек.

Выплакавшись, он поднимался с койки и подходил к окну. Снаружи шел дождь, дорога, ведущая из монастыря в ближайший податный поселок, скрывалась во влажном мареве, и впереди не было ничего, кроме зимы. Шани смотрел и видел не широкие поля с лохматым гребнем леса на горизонте, а стройные очертания зданий Невского проспекта и вздыбленных коней Клодта на Аничковом